

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Панайотис И. Бумис

Непогрешимость Православия

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

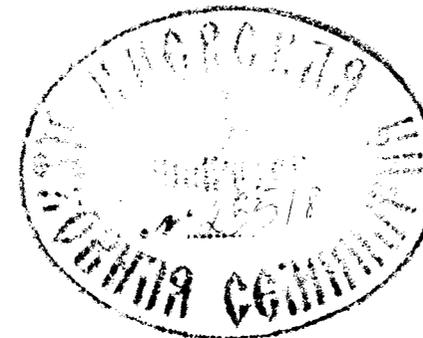

Печатается по благословению
епископа Бричанского и Единецкого
Доримедонта (Чекана)

ПАНАЙОТИС И. БУМИС
ДОКТОР БОГОСЛОВИЯ
ПРОФЕССОР АФИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НЕПОГРЕШИМОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ

*Перевод с греческого
Петра Басараба*

ГЛК

Греко-латинский кабинет
Ю. А. Шичалина
Москва 2001

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Варлаамов монастырь (Метеоры, Греция)

От переводчика	7
Непогрешимость православия	9
Авторитет и сила священных канонов	23

ISBN 5-87245-072-9

© Греко-латинский кабинет®
Ю. А. Шичалина, 2001
© П. Басараб, предисловие, перевод, 2001

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Вот уже более десяти лет минуло с тех пор, как рухнул железный занавес и российский народ вздохнул облегченно. Это касается, прежде всего, церковного народа, потому что с уходом зимы атеистического режима наступила весна духовного возрождения России. Люди стали вольны свободно выбирать направление своего духовного развития.

Но одновременно с этой свободой увеличилась ответственность людей, находящихся в лоне Святой Церкви. Нам, православным, брошен вызов нынешним «духом времени» с его неразлучными спутниками: духовным индифферентизмом, бешеной гонкой за материальным благополучием и нравственной расслабленностью. Что же нам противопоставить этому вызову? — Духовное просвещение, согласное с Преданием Святой Православной Церкви; жертвенное служение ближним, осуществляемое в том числе посредством благотворительных сообществ и фондов; и, наконец, неукоснительное следование евангельской нравственности.

Какое же из этих средств важнее? — По нашему мнению, все они важны и требуют ежедневного применения. Однако духовное просвещение, особенно с учетом духовного состояния российского народа, совсем недавно сбросившего со своих плеч атеистическое иго, приобретает сегодня особенное значение.

В рамках духовного просвещения не следует упускать из виду такого важного момента, как духовное взаимообогащение, которое происходит при обращении к опыту и знанию, накопившимся в других Поместных Православных Церквях. Предлагаемый российскому читателю перевод двух брошюр греческого богослова, профессора Афинского Университета П. И. Бумиса, смеем надеяться, внесет свой вклад в дело духовного взаимообогащения Православных Церквей. Панайотис Бумис (1936 г. р.), заведующий кафедрой Канонического Права, является признанным в греческом православном мире ученым, чьи взгляды глубоко укоренены в святоотеческом предании.

Хотелось бы искренне отблагодарить М. В. Асмуса за его содействие при подготовке к изданию русского перевода этих работ проф. П. И. Бумиса.

Было бы также несправедливым умолчать о бескорыстной помощи, оказанной издательством «Греко-латинский кабинет» во главе с Ю. А. Шичалиным, которое, будучи светским издательством, выпускает в свет данную книгу с церковной проблематикой, внося таким образом свою лепту в дело духовного возрождения России.

Наконец, не могу не выразить особой благодарности главному виновнику появления в России настоящего издания, Преосвященному Доримедонту (Чекану), епископу Бричанскому и Единецкому. Владыка Доримедонт нашел время ознакомиться с содержанием работ проф. П. И. Бумиса и дал благословение на это издание. Также он с готовностью откликнулся на мою просьбу и изыскал необходимые для издания средства.

Твердо надеюсь, что Всемогущий Бог поможет ищущему читателю осознать и по достоинству оценить всю красоту и жизненную необходимость драгоценной сокровищницы православного вероучения.

П. Басараб

НЕПОГРЕШИМОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ КРИТЕРИЙ И ОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА¹

1. ВВЕДЕНИЕ

Мы часто говорим: «этот человек мыслит неправо, поступает неправо». Или же: «этот человек — неправославный». Как мы можем судить об этом? Откуда мы знаем, не является ли наше собственное мнение, или наше слово, или наш поступок неправыми, неправославными? Быть может, достаточно одного нашего благого намерения быть православными или поступать право, чтобы действительно быть православными? Еще мы часто сегодня говорим, что живем в критическое время. Но почему мы так характеризуем наше время? Почему оно критическое? Что делает его критическим и что заставляет нас видеть его таким? Каков критерий, какова мера оценки наших мнений, наших решений, наших поступков, нашего времени?

Многие утверждают, что критерием является само по себе наше мнение, наше умение логически мыслить, наш «мозг». Но как наше мнение будет оценивать наши же взгляды, чтобы заключить об их правильности или ошибочности? И как нам узнать, правильно ли действует наше мнение? И кто поручится за это раз и навсегда? Кроме того, правильно ли, чтобы судья одновременно был критерием? Подобаet ли судье быть в то же время и законодателем? И, даже если иногда так и происходит, точно ли судья будет объективным законодателем? Не будет ли он подгонять законы под свои будущие решения? И есть опасность, что таким образом, порой против своей воли, он будет превращаться в диктатора, тоталитариста. Предположим, что он преодолет это искушение, но как уверить его в том, что он мыслит и устанавливает законы правильно?

Эти и им подобные вопросы возникают, должны возникать, у каждого человека. Во всяком случае с такими вопросами мы нередко сталкивались в разнообразных дискуссиях со студентами и молодыми учеными. Поэтому мы пришли к выводу, что

¹ Перевод выполнен по изданию: Παναγιώτου Ι. Μπούμη. Τὸ ἀλάθητο τῆς Ὁρθοδοξίας. Κριτήριο καὶ βάση τῆς ἐνότητος. Ἀθήναι, 1996.

следует изыскать непогрешимого судью, а также непогрешимый критерий, при помощи которых мы верно рассудим наши мнения, слова, наши поступки, события, времена и т. д.

Но среди людей, мы убеждены, невозможно отыскать непогрешимого судью. Почему? Потому, прежде всего, что человек не всеумудр и не всеведущ и не знает всех творений (существ и событий). Он не знает их всех, потому что не является их Творцом и не способен быть «везде сущим».

Кроме того он запятнал своим грехом образ Божий, свой ум, рассудок, желание и волю. К тому же человека совращают, или хотя бы воздействуют на него, его влечения, его окружение, его связи и т. д. Эти неблагоприятные предпосылки имеют столь же неблагоприятные последствия: человек не может всегда судить объективно, правильно и справедливо. И конечно же, не может устанавливать правильные законы.

По этой причине человеческие законы и не являются вечными и непреходящими, так как они несовершенны, неполны и недостаточны. Поэтому эти законы и меняются все время. Поэтому люди стремятся найти все более совершенные и правильные законы. По причине своего несовершенства законы вводятся государством принудительно. Вот почему люди часто их не принимают и не одобряют. А не одобряют потому, что судят о них на основании своей логики и находят их неправильными, вследствие чего люди протестуют и противодействуют принятию этих законов.

2. НЕПОГРЕШИМЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Итак, только тот, кто является Творцом всего, всей вселенной, только тот, кто является всеведущим и вездесущим, кто обладает полным общим и частным знанием вещей прошедших, настоящих и будущих, только тот, кто неизменен, независим и беспристрастен, может быть непогрешимым законодателем или судьей. Для христиан таковым является Бог.

Таким образом, лишь тогда мы можем быть уверенными в том, что получили ответ правильный, непогрешимый, истинный, когда *вопросаем Бога, а Тот нам отвечает*, когда «сходит» Бог на землю.

Но возникает иной вопрос: когда и как нам увериться, что Бог действительно дал нам ответы на наши вопросы, т. е. «сошел» на землю? Для нас, православных христиан, эти пробле-

мы, к счастью, находятся в упорядоченном состоянии. Единственное, что от нас требуется, это проявить интерес к этим проблемам и сделать их известными, доступными и осознанными «для самих себя и друг для друга». И во-первых, мы должны знать, что Бог часто как говорил, так и передавал свои обетования, заповеди, законы и суды чрез Моисея, пророков и других богодухновенных мужей Ветхого Завета. Здесь мы можем вспомнить ответ Авраама (а чрез него и Бога) в притче о богаче и нищем Лазаре: «У них есть Моисей и пророки; пусть их слушают» (Лк. 16, 29). Авраам говорит так потому, что слово Божие, которое изрекали и Моисей, и пророки, есть истина. «Слово Твое есть истина», — подтверждает Иисус Христос (Ин. 17, 17). И эту истину, эту ценность Ветхого Завета восприняла и сохранила впоследствии Церковь Христова.

Во-вторых, нам следует также знать, что Сам Бог «сошел» и явился на земле, пришло Слово Божие — Иисус Христос, «приняв образ раба» (Фил. 2, 7), и принесло нам истину, уже дополненную, завершенную и обновленную, так как Он Сам есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Поэтому Христос, желая указать на человеческое неразумие, говорит: «А теперь ищите убить Меня, Человека, *сказавшего вам истину*, которую слышал от Бога» (Ин. 8, 40). Именно эту истину Он передал апостолам, а те своим преемникам, епископам, всей Церкви (Апостольское Предание).

Далее, после Вознесения Господня Бог посылает Церкви Утешителя, «Духа истины» (Ин. 14, 16–17), Который «наставляет на всякую истину» (Ин. 16, 13) членов ее.

Итак, истина пребывает в Церкви: в этом нет сомнения. Это нам подтверждает и богодухновенный ап. Павел, когда говорит, что Церковь является «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3, 15). Это тем более естественно, что Церковь — это Тело Христово (см. Еф. 5, 23 и Кол. 1, 18). Это значит, что тело, этот организм Церкви, имеет своей главой Христа. А если Христос как Бог является непогрешимым, то следует, что и Церковь как одно целое обладает непогрешимостью, является непогрешимой.

Следовательно, сегодня на земле, во всей вселенной непогрешимым законодателем, учителем и судьей является Церковь, этот богочеловеческий организм Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Итак, когда Церковь высказывается как одно целое, высказывается непогрешимо.

Здесь возникает следующий важный вопрос: когда Церковь высказывается как одно целое? Ответ прост и известен: когда она высказывается и принимает решения «на Вселенском Соборе». Этот простой и, вероятно, известный ответ не так уж и прост в своем осознании и, особенно, в своем воплощении. Каким образом Вселенский Собор (разумеется, после того как он будет признан Вселенским) выражает полноту Церкви, и почему представляет всю Церковь? Чем это достигается? Вот этим немаловажным вопросом мы и постараемся сейчас заняться.

Во-первых, Вселенский Собор составляется из всех правящих иерархов Церкви. Они в свою очередь представляют всех живых христиан своих епархий, а все вместе они представляют полноту «воинствующей и борющейся» Церкви на земле, т. е. видимую Церковь.

Однако, чтобы составить Вселенский Собор и представлять всю Церковь, иерархи должны представлять не только живых христиан, но и почивших. Иными словами, они должны представлять и «на небесах торжествующую» Церковь. Но как это возможно? Это непременно исполняется, когда епископы выражают мнение усопших. Лучше сказать: когда они *согласуются* с мнением почивших, когда они согласны с мнением Церкви торжествующей, невидимой. А это мнение торжествующей Церкви, можно сказать с уверенностью, выражено опять-таки на Вселенских Соборах. Имеется в виду, на предшествующих Соборах.

Итак, мнение Вселенского Собора только тогда может являться мнением всей Церкви, когда оно согласуется с решениями предшествующих Вселенских Соборов. Это мнение не должно противоречить решениям других Соборов, коль скоро оно хочет представлять всю Церковь, торжествующую и воинствующую.

Следует еще раз особо подчеркнуть, что каждый последующий Собор *должен непременно* согласовываться с предыдущими. Мы не можем требовать обратного просто потому, что оно не сможет достичь цели. Торжествующая Церковь уже ушла из этой жизни на земле. Все, что следовало ей сказать, было ею сказано, и мнение ее уже неизменно. Следовательно, воинствующая Церковь, т. е. всякий новый Вселенский Собор, обязана соотноситься и согласовываться с решениями предыдущих Вселенских Соборов.

Иными словами можно было бы сказать, что созданный Собор лишь тогда является Вселенским и, следовательно, непогрешимым, когда имеет две особенности: а) кафоличность (соборность) вглубь, по вертикали, или «во времени»; и б) кафоличность (соборность) вширь, по горизонтали, иначе говоря, «в пространстве». Первое означает, что этот Собор должен представлять всех христиан, которые жили и действовали *на протяжении прошлых веков* в лоне Церкви, и представлять их так, как это отражено в решениях *предыдущих* Вселенских Соборов.

Вторая особенность означает, что созданный Собор должен представлять современную Церковь во всей ее полноте, которая существует на всем пространстве земли. Поэтому мы и говорим: представлять горизонтально, в пространстве.

Но и этого не достаточно. Созванному Собору надлежит быть признанным Вселенским также и полнотой воинствующей Церкви. Решения Вселенского Собора должны быть приняты как непогрешимые, хотя бы молчаливо, всей Церковью, живущей на земле². Такое заключение будет еще более надежным, если следующий Вселенский Собор, подтвердив правоту принятых решений и засвидетельствовав их повсеместное и единодушное принятие сознанием Церкви, утвердит эти решения. Таким образом Вселенский Собор бывает непогрешимым законодателем, авторитетным судьей.

3. ДОСТОВЕРНЫЕ «СВИДЕТЕЛЬСТВА»

Однако вся сложность заключается в том, что этот непогрешимый

2. Здесь имеет смысл упомянуть мнения двух выдающихся греческих богословов: профессора А. Аливизатоса и академика И. Кармириса. Первый писал: «Над Вселенским Собором, этой органической ступенью власти, более того, высочайшей властью в управлении Православной Церковью, подлинное церковное сознание имеет силу окончательного решения об его вселенском авторитете, хотя, одновременно, это сознание Церкви не представляет собой какого-либо органического начала власти, превосходящего Вселенский Собор» (Сознание Церкви // Научный ежегодник Богословского факультета Афинского университета. Т. 9. 1953–1954. С. 58–59). Вторым говорил: «Вселенский характер Соборов обязывает не участие в них всех епископов христианского мира, но согласно присутствующих епископов, представляющих отсутствующих епископов либо иных членов Церкви, а также последующему одобрению принятых решений прочими епископами и вообще всей Церковью как право правящими слово истины» (Догматика. Ч. 5. Афины, 1973. С. 674).

шимый «судья» не может созываться, собираться и высказываться постоянно, каждый день. Но даже если он и заседал бы непрерывно, для него было бы невозможным рассматривать все темы и отвечать на все частные вопросы членов Церкви.

Кто-либо, может быть, и скажет с грустью и унынием: что же делать нам в таком случае? Где мы будем узнавать истинный ответ на каждый вопрос, который нас занимает? Где нам узнать в каждом случае, следуем ли мы по правильному пути? — Но и в этом случае нам нужно сохранять спокойствие. Именно ради этого сама Церковь вверила нам непогрешимые правила Вселенских Соборов, правила веры и жизни, мировоззрения и дела, истины и любви. Церковь матерински передала нам эти непогрешимые критерии, с тем чтобы мы имели их под рукой, с тем чтобы мы сообразовывались с ними, когда того пожелаем, когда будем испытывать в них нужду.

Этими *непогрешимыми критериями* являются, прежде всего, канон Священного Писания (Ветхого и Нового Завета) и решения (вероопределения и правила) Вселенских Соборов, предписанные и утвержденные ими.

Относительно этого положения, а также относительно решений Вселенских Соборов нам хотелось бы опередить возражение многих христиан, среди которых есть и принадлежащие Православной Церкви. Они говорят: мы охотно примем догматические вероопределения, символы веры как истинные, но не можем принять за истинные правила Церкви. Эти правила, по их утверждению, не обладают той достоверностью и абсолютным значением, что догматические вероопределения.

На это возражение мы могли бы дать следующий ответ:

а) Во-первых, слова «вероопределения» (*ὁροί*) и «правила» (*κανόνας*) очень часто заменяют друг друга в решениях Вселенских Соборов. Следовательно, у нас нет достаточного основания для точного различения между оросами (вероопределениями) и канонами (правилами).

б) Неразумным было бы допустить, чтобы одно решение — догматическое вероопределение — являлось непогрешимым, а другое решение — правило жизни — не было бы таковым, в то время как оба эти решения проистекают от одного и того же источника, т. е. одного и того же Вселенского Собора.

в) Сами Вселенские Соборы доводят до нашего сведения и заверяют нас в том, что их каноны божественны, что они оп-

ределены «от озарения Святого Духа». Поэтому Вселенские Соборы предписывают неукоснительно следовать полному содержанию канонов и запрещают любое их искажение или изменение³.

Таким образом, эти непогрешимые критерии во всей их полноте и составляют подлинное и достоверное церковное Предание. Можно сказать, что эти критерии только и составляют действительно *церковное* Предание. Мы подчеркиваем это потому, что это Предание есть Предание *Церкви во всей ее полноте*, а не какой-либо ее части. Все прочие предания не имеют права называться церковным Преданием, по крайней мере, до тех пор, пока не будут одобрены и утверждены всей Церковью.

По этой же причине канонами Церкви, действительными канонами, в буквальном смысле слова, которые обозначают нам прямое направление⁴, являются лишь установленные или утвержденные Вселенским Собором, т. е. всей Церковью. Все прочие канонические послания или постановления, изданные поместным Собором или каким-либо отдельным церковным лицом, не могут называться канонами Церкви, поскольку они не получили вышеуказанного церковного утверждения.

Итак, это церковное Предание, подлинное и достоверное церковное Предание составляет основу Православия, истины и любви, правой веры и правого действия, истинной жизни. Это Предание составляет церковную *«акривию»* («точность»). Мы обязаны знать это Предание, веровать его догматам, сообразовываться с его канонами и, вообще, жить по этой истине. Иными словами, мы должны соблюдать эту акривию, оберегать ее и следовать ей в жизни.

Эта акривия и есть тот критерий, на основании которого

3. См. 1-е правило IV Вселенского Собора, 2-е правило V—VI Вселенского Собора и 1-е правило VII Вселенского Собора. Более подробную информацию, а также соответствующую библиографию по данной теме можно найти в моей работе «Авторитет и сила священных канонов». Изд. 4. Афины, 1989. С. 12 (Русский перевод печатается ниже. — *Прим. ред.*).

4. Слово «канон», во-первых, значит трость, линейка, которой пользуются для проведения прямой линии или, напротив, для выверения прямизны определенной черты; метафорически «канон» называют любое определение или закон, вообще все то, что может служить моделью или руководством для правильного выполнения определенной задачи, мерилем для проверки правильности этой задачи.

каждый может оценивать взгляды, представления, слова и дела, деятельность и образ жизни как свои, так и чужие, если он хочет быть как можно более православным, как можно более объективным. В противном случае человек рискует впасть в заблуждение, несправедливость, субъективизм, «надмеваясь плотским своим умом» (Кол. 2, 18). И когда мы говорим, что на основании этих канонов следует оценивать слова и дела других, мы имеем в виду слова и дела не только рядовых христиан, но и клириков, и иерархов, и патриархов, и священноначалия. Любого из живущих и усопших.

4. ОДНО ДОБАВЛЕНИЕ И УТОЧНЕНИЕ

Разумеется, здесь нам необходимо сделать следующее уточнение: когда мы говорим, что определенные тексты, критерии, «свидетельства»⁵ являются подлинными и верными и что они составляют истинное Предание и церковную акривию, это не означает, что все остальное ошибочно. Тем более не следует считать все прочие деяния или творения Отцов Церкви, епископов, аскетов, богословов и простых христиан бесполезными. Они могут содержать ошибки, но не являются ошибочными в целом. Более того, они могут быть и без ошибок, но мы не можем в этом быть уверены. Иными словами, у нас нет подтверждения их непогрешимости Вселенским Собором, этими авторитетными устами Церкви.

Если же заявить, что все суждения и решения великих Отцов Церкви непогрешимы, то мы подвергаемся опасности приобщиться к убеждениям папизма и, сами того не понимая, предоставляем новые доводы в пользу непогрешимости Папы. Поскольку в этом случае любой римо-католик сможет возразить нам, притом весьма логично: почему, признавая непогрешимость суждений отдельных Отцов, мы не признаем непогрешимость Папы Римского?

Значит, Отцы и другие церковные авторы в своих суждениях погрешимы, т. е. могли заблуждаться, но из этого отнюдь

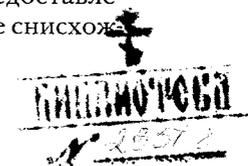
5. Слово заимствовано из Св. Писания. См. Пс. 118, 14. 138. 144. «На пути свидетельств Твоих я радуюсь, как во всяком богатстве». «Свидетельства Твои, которые Ты заповедал — правда и совершенная истина». «Правда свидетельств Твоих вечна». См. 1-е правило VII Вселенского Собора. (В Синодальном переводе Пс. 118 слову «свидетельства» соответствует слово «откровения». — Прим. ред.)

не следует, что их слова и творения были совершенно ошибочными. Примером таких творений могут служить толкования на Священное Писание, исследования догматов веры, комментарии священных канонов, а также изложения личных опытов церковной и подвижнической жизни во Христе. Все это, конечно, составляет *предания*, но не является достоверным Преданием Церкви, поскольку оно не узаконено всей Церковью.

Такого рода преданиями могут считаться также суждения наших духовников, наставления и постановления нашего епископа или Священного Синода. Как же нам поступать в таком случае? Прислушаться к ним, принять их, применять ли их в жизни? Являются ли они обязательными? Или мы можем ими пренебречь? — Они, конечно, обязательны постольку, поскольку не идут вразрез со Священным Писанием или решениями Вселенских Соборов, т. е. с достоверным церковным Преданием. Они обязательны и тогда, когда мы не знаем, противоречат ли они церковному Преданию. «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет», — увещевает ап. Павел (Евр. 13, 17).

Однако если мы уверены в противоречивости этих мнений и наставлений по отношению к Преданию Церкви, то мы обязаны, сохраняя все приличие и уважение, обратить внимание наших церковных и духовных руководителей на ошибочность их позиций, на их противоречие православному Преданию, а значит, и на невозможность с нашей стороны следовать ошибочным человеческим предписаниям и наставлениям. Примером в этом могут служить для нас святые Апостолы, которые сказали: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человеку» (Деян. 5, 29).

Однако существует один особый случай, в котором, даже если наставления, предписания и решения компетентных церковных органов не согласуются с самим церковным Преданием, мы все-таки обязаны им следовать или, по крайней мере, смириться с ними и не осуждать их. Это тот случай, когда компетентный церковный орган отклоняется от канонического Предания Церкви в *недогматических* вопросах ради спасения одного из членов Церкви, какой-либо ее части или же человеческого сообщества. В этом случае происходит предоставление и применение церковной икономии, проявление снисхож-

дения и уступчивости. Церковь не требует полного соблюдения акривии в том случае, когда какая-то ее часть или даже один ее член слаб в вере и дисциплине, болен душевно или телесно, или же приносит горькое раскаяние за совершенный грех. Церковь не требует точности (акривии) в соблюдении заповедей и канонов, но проявляет человеколюбие и снисходительность, чтобы предупредить большее зло и вернуть на правый путь «овча погибшее».

Далее, следует сделать небольшое добавление по поводу случайно возникающих вопросов, на которые Церковь не дала официального ответа, а у духовных и церковных руководителей нет единого взгляда. Что делать в таком случае? — На это можно ответить следующее: во-первых, нет необходимости вступать в споры и распри. Достаточно того, что мы будем обсуждать эти вопросы и молитвой и смиренномудрием подготовим почву для того, чтобы Бог озарил кого-либо из членов Церкви и затем сама Церковь смогла вынести по ним авторитетное решение.

В этом случае становится понятным, сколь велика значимость всей остальной церковной письменности, мнений Отцов, комментариев богословов, жизненных опытов аскетов и прочих христиан. Ведь в этих текстах могут скрываться ответы на тот или иной вопрос, и обращаясь к этим текстам, Церковь может разрешить самые различные проблемы.

Но до тех пор пока не будет найдено решение, проявим терпение. Будем усердны в поисках ответа, но не будем поддаваться смятению: «Терпением вашим спасайте души ваши», — говорит Господь (Лк. 21, 19). Не будем разбрасываться на разные частные мнения церковных лиц, часто противоречащие друг другу. Нет необходимости как впадать в малодушие, так и метаться из стороны в сторону, потому что, как известно, где нет закона, нет и беззакония, нет преступления и греха. Вспомним слова ап. Павла: «Но грех не вменяется, когда нет закона» (Рим. 5, 13) и «Я не иначе узнал грех, как посредством закона... ибо без закона грех мертв» (Рим. 7, 7–8). В вопросах, не ограниченных каким-либо законом, мы вольны поступать в согласии с нашей совестью (ср. Рим. 2, 14–15) и советами еще двух-трех сознательных христиан. Ср. место из Мф. 18, 20: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Ср. также 1 Кор. 6, 2: «Разве вы не знаете, что святые будут судить мир?»

5. НЕКОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ И ИТоговые замечания

Здесь следует добавить к вышесказанному, что наличие церковного закона, священного канона или заповеди Священного Писания вовсе не упраздняет свободу. Напротив, заповеди Священного Писания, церковные каноны, как уже было сказано, суть непогрешимые божественные свидетельства. Следовательно, они составляют часть истины, являются истиной. А являясь истиной, они, конечно, содействуют свободе человека. В этом нас уверяет и Господь, когда говорит: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Ср. также выражение ап. Иакова: «Закон совершенный, закон *свободы*» (Иак. 1, 25).

В самом деле, достоверные церковные заповеди, применяемые в Церкви с помощью Божией отдаляют нас от заблуждения и ведут нас к истине, к совершенству, к святости, к *обоженности*. Необходимо подчеркнуть, что насколько человек совершенствуется и приобщается святости, насколько преуспевает в обуздывании плоти и человеческих страстей, настолько возвышается над материальной природой и ее законами. Чем более одухотворяется, более духовным становится человек, тем быстрее он становится господином материальной природы и, следовательно, приобретает тем большую свободу. Поэтому ап. Павел говорит: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17).

Но прежде чем закрыть данную тему, исходя из вышесказанного, пожалуй, следует сделать некоторые необходимые уточнения, и сразу сформулировать соответствующие предложения. Часто мы говорим: этот консерватор, тот традиционалист, третий излишне прогрессивен, четвертый свободолобив, пятый новатор и т. п. Возникает вопрос: верно ли мы употребляем эти термины или же допускаем некоторую путаницу в их применении? Например, называют консерватором хранителя Предания. Но, может быть, лучше его характеризует наименование традиционалист?⁶

Так же часто традиционалистом называют того, кто хочет соблюсти и сохранить все предания, обращающиеся в Церк-

6. Рус. слово «традиция» (лат. traditio) является эквивалентом слова «предание» (калька с греч. *παράδοσις*): — Прим. ред.

ви, как достоверное церковное Предание, так и разные прочие предания, не получившие официального признания. Правильно ли говорить, что он — традиционалист, или, может быть, лучше назвать его просто⁷ консерватором?⁸

С другой стороны, мы считаем свободолобивым того, кто не стремится хранить Предание, причем достоверное Предание, или того, кто хочет соблюдать лишь некоторые предания и отвергает другие. Здесь уместно спросить себя: не правильнее ли считать свободолобивым традиционалиста, который остается верным подлинной церковной традиции, т. е. истине, которая и дарует истинную свободу? Во всяком случае, мы придерживаемся такого мнения, что те, кто отвергает достоверное Предание, те, кто уклоняется от правильного пути, от истины и следует человеческим преданиям и заветам, не ведущим к приобретению действительной истины и не способствующим достижению истинной свободы, не в праве называться свободолобивыми.

Кроме того мы считаем, что традиционалисты могут быть названы и новаторами. В той мере, в какой они на основании Предания держат различать вещи верные и неверные и отвергать ошибочные человеческие мнения, обращающиеся в Церковь, которые искажают и оскверняют истину, они справедливо могут претендовать на звание новаторов. Ведь через упразднение этих человеческих преданий и достигается проявление «заново» изначальной красоты, неискаженной истины. По этой же причине традиционалисты могут быть назва-

7. Конечно, данное «просто» отнюдь не выражает осуждения в адрес консерватора. Консерваторы, как мы видели, это те, кто блюдет все существующие и живущие в Церкви предания. Но следует быть внимательным к данной склонности, потому что она содержит два противоречивых элемента. Один хороший, а другой опасный. Хорошо то, что блюдутся все предания, писанные и неписанные, благодаря которым Церковь может в нужный момент либо изыскать решение для определенной проблемы, либо найти повод для такого решения. А плохо то, что есть опасность утомить человека, поскольку эта тенденция требует сохранения всего бремени этих неавторитетных преданий. Более того, поскольку часто случается видеть взаимопротиворечивость этих преданий, многие христиане испытывают даже соблазн. Давайте не будем утверждать, что требуется неукоснительное следование этим преданиям со стороны всех без исключения христиан: ведь так «возлагают бремена тяжелые и неудобноносимые на плечи людям» (Мф. 23, 4).

8. Рус. слово «консерватор» (восходящее к лат. глаг. *conservo*) означает «блюститель, охранитель». В новогреч. ему соответствует слово *συντηρητικός* от глаг. *τηρέω* — «блюсти». — Прим. ред.

ны и прогрессистами, поскольку кроме отвержения человеческих привнесений они на основании все того же Предания могут заимствовать из новейших научных изысканий все то, что содействует лучшему и полнейшему толкованию и пониманию этой истины.

Напротив, нельзя именовать прогрессистами тех, кто наряду с человеческими преданиями отвергает и церковное Предание, тех, кто ищет верный путь без проводника и объективных критериев, без непогрешимых начал. Весьма сомнительно, чтобы эти люди продвигались вперед, а следовательно, что их следует называть прогрессистами.

Таким вот способом каждый может обдумать, оценить и определить, в каком случае он будет употреблять одно из вышеуказанных или подобных им понятий. И еще: в той мере, в какой мы как православные соглашаемся и принимаем приведенные выше положения, мы можем применить их и в наших отношениях с неправославным миром. Например, эти положения могут явиться основой для рассмотрения учения различных церковных и нецерковных исповеданий и жизни различных христианских и нехристианских общин.

И прежде всего мы имеем дело с Римско-Католической Церковью. У католиков, как известно, в качестве догмата введено учение об исхождении Святого Духа «и от Сына» (*Filioque*). Однако этот догмат противоречит ясным словам Священного Писания: «Дух истины, Который от Отца исходит» (Ин. 15, 26), а также решениям Вселенских Соборов. Следовательно, должно быть понятно, что Православная Церковь не может принять это догматическое учение.

Римо-католики также признают, по крайней мере, теоретически, непогрешимость епископа Римского — Папы, иными словами, непогрешимость одного человека. Но логически невозможно (как мы показали в начале настоящей работы) принять непогрешимость одного какого-либо человека, тем более что ни одно из решений Вселенских Соборов не подтверждает этого догмата. Поэтому ни один православный, правосмыслящий христианин не станет одобрять того учения, что не находит подтверждения в достоверном церковном Предании.

Однако кроме Римско-Католической Церкви существует большое количество протестантских конфессий, которые признают мнения, воззрения и предписания своих современных богословов как достоверные, не принимая при этом церковно-

го Предания. Отсюда вопрос: каким непогрешимым критерием руководствуются они для принятия и одобрения одного и отрицания другого. Не входят ли они таким образом просто в область некоего безграничного субъективизма? И не здесь ли кроется истинная причина многочисленности протестантских ответвлений? И тогда в каком из них можно найти объективно верное направление? И которое из них содержит истину?

Немало этих протестантских религиозных групп допускают еще следующую логическую ошибку: принимая и опираясь, по их утверждениям, на Священное Писание для обоснования своих учений, они в то же время отвергают церковное Предание. Но разве не Церковь сохранила и передала нам Священное Писание? Не Церковь ли отделила книги Св. Писания от множества других подложных и апокрифических книг и передала нам их как божественные и достоверные? Не она ли составила канон Священного Писания? Следовательно, представляется несколько непоследовательным и неразумным, принимая книги Священного Писания, не принимать само достоверное церковное Предание, которое и дало нам эти книги. Принимая плоды, отвергать древо, принесшее эти плоды.

6. ЭПИЛОГ-ПОЖЕЛАНИЕ

Прежде чем поставить точку, хотелось бы высказать одно замечание и пожелание. Выше было сказано, что достоверное церковное Предание, акривия, как оно было названо в этой работе, может служить основой для рассмотрения различных православных и инославных позиций. К этому хотелось бы добавить, что сегодня само Православие может стать основой взаимопонимания между членами нашей Церкви и объединения различных частей разделенного еще христианства. Основой истинного единства Европы и всего человечества. Будем молиться, чтобы Бог благословил это единство.

АВТОРИТЕТ И СИЛА СВЯЩЕННЫХ КАНОНОВ¹

1. ВВЕДЕНИЕ

В обсуждении настоящей темы мы попытаемся быть как можно более ясными и доступными для понимания. Ведь благодаря ясности достигается человеческое взаимопонимание и как следствие — единение людей в духе. С этим связаны также слова приснопамятного профессора Д. Баланоса, которые он высказал относительно другой серьезнейшей проблемы — созыва Всеправославного Собора: «Позвольте мне в своих формулировках быть максимально кратким и искренним, без дипломатической предосторожности и двусмысленностей, с мыслью о том, что только через открытый и искренний обмен мнениями может проявиться истина, которую все мы, пусть и различными путями, отыскиваем»².

Мы сказали, что постараемся быть ясными, поскольку достижение ясности в действительности может оказаться не таким простым делом, потому что разбираемая тема является очень сложной. Сложность усугубляется еще и тем, что эта тема находится сегодня в центре церковных интересов, в силу чего она выдвигается с самых разных сторон и получает соответствующее освещение. В результате возникает достаточно серьезное разногласие по поводу священных канонов. Здесь в качестве вводного замечания хотелось бы отметить, что сегодня основное разногласие по поводу священных канонов касается наиболее существенного вопроса их авторитетности. Это разногласие и различие мнений отчасти, может быть, оправданы, потому что, к сожалению, не существует достаточно ясного различия между действительно священными канонами и многоразличными церковными узаконениями.

В связи с этим находится еще одна причина несогласия в среде Церкви по вопросу о священных канонах — усиливаю-

1. Перевод выполнен по изданию: Παναγιώτου Ι. Μπούμη. *Τὸ κύρος καὶ ἡ ἰσχὺς τῶν ἱερῶν κανόνων*. "Εκδ. Β'. Ἀθήναι, 2000.

2. Δημ. Μπαλάνου. *Τὸ πρόβλημα τῆς συγκλήσεως Οἰκουμενικῆς Συνόδου* (Ἀνάπτυξιν ἐκ τῆς Ἐπιστημονικῆς Ἐπετηρίδος τῆς Θεολογικῆς Σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν. Τόμ. (Γ') 1936—37). Ἀθήναι, 1937. Σελ. 11.

чаяся путаница в отношении их действительности, то есть несовершенное знание или даже полное незнание их силы и применения.

2. АВТОРИТЕТ СВЯЩЕННЫХ КАНОНОВ

А теперь мы приступаем к рассмотрению первого вопроса — об авторитете священных канонов. Из различных дискуссий церковного или же просто научно-богословского уровня известно, что разногласие в отношении священных канонов сосредоточено в вопросе их авторитетности или относительности, либо, другими словами, их временности или постоянности. Одни говорят о временном, или относительном, другие же о вечном, или абсолютном их авторитете. Этот вопрос, полагаем мы, имеет жизненно важное значение для христианина, для человека вообще. По этому пункту стоит привести замечание русского профессора отца Иоанна Мейендорфа: «Различие между абсолютным и относительным есть, как мне думается, самый неотложный из всех вопросов, с которыми придется столкнуться сегодня православным богословам... Лишь если мы обнаружим и познаем в достаточной мере Абсолютное, нам удастся надежно сориентироваться в гуще человеческих преданий и обычаев, так что мы сможем произвести требуемое разграничение и необходимую очистку»³.

Вопрос об абсолютном авторитете священных канонов является жизненно важным потому, что переплетается непосредственно с проблемой их правильности, с тем, насколько они выражают истину, что, в свою очередь, связано с проблемой происхождения священных канонов. Действительно ли они являются божественными заповедями или же они являются человеческими произведениями и предписаниями. Профессор Л. Филиппидис писал по этому поводу: «Правильным является Истинное, а Истинным является все то, что Бог открыл — все, что Бог желает... Все, что Бог открыл, находится перед нами — единожды данное, но навеки сохраняющее силу»⁴.

3. 'Ιω. Μάγεντορφ. Παράδοσις τῆς Ἐκκλησίας καὶ παραδόσεις τῶν ἀνθρώπων // Θεολογία — Ἀλήθεια καὶ Ζωή. Ἀθήναι, 1962. Σελ. 133.

4. Λεων. Φιλιππίδου. Ἡ ἀπὸ Παλαιᾶς καὶ Νέας Ρώμης κίνησις πρὸς ἐπάνοδον τοῦ πληρώματος τῆς Ἐκκλησίας τοῦ Χριστοῦ εἰς τὴν ἀρχικὴν ἐνότητά. Ἀθήναι, 1970. Σελ. 32.

Дискуссия по указанной проблематике может долго продолжаться, но это лишь отведет наше внимание от главного вопроса и, соответственно, затруднит его решение. Поэтому согласно нашему пожеланию, высказанному в начале, вместо всяких дискуссий и доказательств, мы просто приведем здесь свидетельства самих священных канонов, или, что то же, высказывания отцов Церкви, постановлявших эти каноны.

Так, во 2-ом каноне V–VI Вселенского Собора, который представляет собой образец официальной синодической кодификации священных канонов Церкви⁵, мы читаем: «Прекрасным и крайнего тщания достойным признал сей святой собор и то, чтобы отныне, ко исцелению душ и ко уврачеванию страстей, *тверды и ненарушимы* пребывали принятые и утвержденные бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами, а также и нам преданные, под именем святых и славных Апостолов, 85 правил (канонов)... и все прочие священные правила (каноны), изложенные от святых и блаженных отец наших...⁶ Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменять, или отменять, или принимать вместо предложенных правил иные, с подложными надписаниями, состав-

5. Ср.: Βαρθολομαίου Ἀρχοντῶνῃ (Ἀρχιμ. καὶ ἰὺν Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου). Περί τῆν κωδικοποίησιν τῶν ἱερῶν κανόνων καὶ τῶν κανονικῶν διατάξεων ἐν τῇ Ὁρθόδοξῳ Ἐκκλησίᾳ. Θεσσαλονίκη, 1970. Σελ. 19.

6. А дальше указывает, какие это каноны: «то есть трехсот восемнадцати богоносных отцев, собравшихся в Никее; а также отцев, собравшихся в Анкире, в Неокесарии, равно и в Ганграх; кроме сего, в Антиохии Сирийской и в Лаодикии Фригийской: еще же ста пятидесяти отцев, сошедшихся в сем богохранимом и царствующем граде; и двухсот отцев, собравшихся в первый раз в областном граде Ефесе; и шестисот тридцати святых и блаженных отцев, собравшихся в Халкидоне; и отцев, собравшихся в Сардике и в Карфагене; и еще собравшихся паки в сем богоспасаемом и царствующем граде при Нектарии, предстоятеле сего царствующего града, и при Феофиле (= Тимофее), Александрийском архиепископе; также правила Дионисия, архиепископа великого града Александрии; Петра, Александрийского архиепископа и мученика; Григория, епископа Неокесарийского, чудотворца; Афанасия, архиепископа Александрийского; Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийской; Григория, епископа Нисского; Григория Богослова; Амфилохия Иконийского; первого Тимофея, архиепископа Александрийского; Феофила, архиепископа того же великого града Александрии; Кирилла, архиепископа Александрийского, и Геннадия, патриарха сего богохранимого и царствующего града; еще же и Киприаном, архиепископом Африканской страны и мучеником и собором при нем бывшим изложенное правило, которое в местах предупомянутых предстоятелей, и только у них, по преданному им обычаю сохраняемо было» (Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Τόμ. Β'. Ἀθήναι, 1852. Σελ. 308 ἐξ.).

ленные некими людьми, дерзнувшими торгашествовать истинной. А если кто будет обличен в том, что некое правило из вышеперечисленных покусился изменить или исказить: таковой будет повинен согласно тому правилу понести епитимью, какую оно определяет, и чрез оное врачуем будет от того, в чем преткнулся»⁷.

Также в 1-ом каноне VII Вселенского Собора⁸ мы читаем: «Принявшим священническое достоинство свидетельствами и руководством служат начертанные правила и постановления, которые охотно приемля, воспевая с богоглаголивым Давидом, ко Господу Богу глаголя: на пути свидетельств Твоих я наслаждался, как во всяком богатстве... Поскольку же сие верно, и засвидетельствовано нам; то радуюсь о сем, подобно тому как ты нашел бы большое сокровище, божественные правила мы с услаждением принимаем и *всцелое и непоколебимое содержим постановление сих правил*»⁹.

Итак, на безусловный авторитет священных канонов указывает, во-первых, то, что сами Вселенские Соборы запрещают их искажение или изменение. По поводу этого запрещения профессор К. Муратидис пишет: «Эта... твердая уверенность вышеупомянутых Вселенских Соборов в достоверности и силе древнейших канонов, а также в недопустимости всякого отступления, нововведения или упразднения в их содержании, выражает именно то глубокое убеждение церковного Сознания в вечном авторитете и неизменяемости содержания священных Канонов, вдохновленного Святым Духом»¹⁰.

Исходя из того, что самими канонами запрещается их искажение, мы приходим к выводу о непогрешимости упомянутых канонов и убеждаемся, что они указывают правильный путь, что *содержат в себе истину*. А если бы священные каноны не давали верного направления, но содержали бы ошибочные постановления, то по какой причине было отказываться от последующих возможных исправлений? Вышеотмеченный

7. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 309–310.

8. К вышеупомянутым канонам, перечисленным в маленькой, но официальной кодификации св. канонов Церкви, должны быть добавлены также каноны VII Вселенского Собора, поскольку они авторитетны в равной с упомянутыми канонами мере.

9. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 555–556.

10. Κων. Μουρατίδου. Τὸ αἰώνιον κύρος τῶν ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1972. Σελ. 61–62. Ср. также: Βλ. Φειδᾶ. Ἱστορικο-κανονικαὶ καὶ ἐκκλησιολογικαὶ προϋποθέσεις ἐπισημίας τῶν ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1972. Σελ. 44.

вывод подтверждается также упомянутым выше 2-ым канонem V–VI Вселенского Собора, который гласит: «Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменять... или принимать вместо предложенных правил иные, с подложными надписаниями, составленные некими людьми, дерзнувшими торгашествовать *истинной*»¹¹.

Итак, священные каноны имеют свидетельство того, что они обладают истиной. Это также следует и из того, что они имеют самосвидетельство того, что они предписаны Вселенскими Соборами при озарении и покровительстве Святого Духа, Духа истины¹². Так, в 1-ом каноне VII Вселенского Собора провозглашается: «... божественные правила мы принимаем с услаждением, и всецелое и непоколебимое содержим постановление сих правил, изложенных от всехвалных Апостол, святых труб Духа, и от шести святых Вселенских Соборов, и поместно собиравшихся для издания подобных заповедей, и от святых Отцев наших. Ибо все они *от единого и того же Духа быв просвещены, полезное узаконили*»¹³.

Итак, VII Вселенским Собором провозглашается «более торжественным образом господствующее в церковном сознании глубочайшее убеждение касательно природы и характера божественных и святых канонов Церкви как плодов Всесвятого Духа»¹⁴.

В отношении вышеупомянутого самосвидетельства никто не в праве утверждать, что оно косвенно указывает на неведение Отцами истинной природы церковных законоположений

11. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 309–310.

12. Ин. 14, 17; 15, 26; 16, 13.

13. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 556.

14. Κων. Μουρατίδου. Οἱ ἱεροὶ κανόνες «στύλος καὶ ἐδραῖωμα» τῆς Ὀρθοδοξίας. Ἀθήναι, 1972. Σελ. 9. Многие возражают: «Как это возможно, чтобы св. каноны были плодами Всесвятого Духа, когда некоторые из них находятся в противоречии друг с другом. Если бы они были плодами Святого Духа», тогда следовало бы им пребывать во взаимном согласии. Для опровержения этого возражения следует сказать, что это разногласие носит внешний (ср. Βλ. Φειδᾶ. Указ. соч. Σελ. 42, 45) и субъективный характер. Такое впечатление ни у кого бы не возникло, коль скоро имело бы место правильное видение, разграничение, расстановка и трактовка канонов и законоположений Церкви. Мы коснемся этого вопроса как в настоящей работе, так и в следующей. Ср. также нашу предыдущую работу: Τὰ ἐκκλησιαστικὰ ὀφείκια ὡς τὰ «κατὰ κόσμον» ἀξιώματα (Συμβολὴ εἰς τὴν ἐρμηνείαν τοῦ ζ' καν. τῆς Πενδέκτης Οἰκ. Συνόδου) // Θεολογία. Τόμ. ΜΑ' (1970). Σελ. 456 ἐξ.

или что предоставление канонами такого подтверждения ошибочно. Потому что, если на мгновение предположить, что свидетельство целого Вселенского Собора ошибочно, тогда на какую авторитетность могли бы притязать мнения каких-либо отдельных отцов Церкви или позднейших епископов и богословов?¹⁵ Во всяком случае, мнение Вселенского Собора не может быть опровергнуто мнением какого бы то ни было современного ученого, не приемлющего вышеуказанного самосвидетельства.

Но кроме того, вполне естественно, чтобы свидетельство этих канонов было авторитетным, и вообще достаточно логично, чтобы все постановляемые Вселенскими Соборами каноны были непогрешимыми, раз сами Вселенские Соборы, являющиеся устами Церкви, которая есть «столп и утверждение истины»¹⁶ — непогрешимы¹⁷. Поэтому Афанасий Великий справедливо говорит в своем Послании к епископам Африки: «Слово же Господне, изреченное на Вселенском Соборе в Никее, пребывает во веки»¹⁸.

3. НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ

А) Оросы-каноны

Однако можно было бы возразить, что все сказанное выше имеет силу для догматических решений, т. е. оросов, но не для канонов, так как не одно и то же — оросы Вселенских Соборов и их каноны. Но это мнение невозможно доказать, потому что не существует ясного разграничения между этими двумя терминами: так, «орос» часто называется «канонем» и наоборот. Великий византийский канонист Зонара специально указывает: «Орос же называется образцом и канонем»¹⁹. А из

15. Ср. Послание Карфагенского Собора папе Целестину: «Разве есть такой, кто поверил бы, что Бог наш может лишь кому-то одному вдохнуть правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшимся на Собор, откажет в этом?» (Г. Рάλλη, М. Ποτλή. Τόμ. Γ'. Σελ. 620).

16. I Тим. 3, 15.

17. Ср. Пав. Τρεμπέλα. Δογματική τῆς Ὁρθόδοξου Καθολικῆς Ἐκκλησίας. Τόμ. Β'. Ἀθήναι, 1959. Σελ. 402; Ἀνδρ. Θεοδώρου. Ἡ οὐσία τῆς Ὁρθοδοξίας. Ἀθήναι, 1961. Σελ. 238; и Ἰω. Καρμίρη. Ὁρθόδοξος Ἐκκλησιολογία (Δογματικῆς Τμήμα Ε'). Ἀθήναι, 1973. Σελ. 638, 685 ἐξ.

18. Migne J.-P. P. G. 26, 1032 В. Св. Афанасий Великий (†373) упоминает только I Вселенский Собор, потому что другие Соборы еще не созывались.
 19. Г. Рάλλη, М. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 159. Ср. также: Τόμ. Γ'. Σελ. 306, 308.

канонистов нового времени Д. Петракакос пишет: «Напрасно станет кто-либо искать буквальный смысл в словах «канон» и «орос», а также «догмат», особенно на протяжении первых пяти веков»²⁰. И это справедливо, поскольку наряду с тем, что многие каноны имеют догматическое содержание (17, 18 I Вселенского Собора, 4, 10, 14, 20, 28 IV Вселенского Собора и др.)²¹, почти все священные каноны имеют тесную связь с догматическим учением Церкви и составляют его практическое применение. Как верно подчеркивает В. Лосский, «каноны, направляющие жизнь Церкви «в ее земном аспекте», неотделимы от христианских догматов. Они — не юридические статуты в собственном смысле слова, но приложение догматов Церкви»²². В связи с этим весьма меткое замечание высказывает также Митрополит Сервий и Козаны Дионисий: «В Церкви теоретические и практические вопросы не существуют отдельно, как мы привыкли разделять в новейшую эпоху. Вопросы Церкви — суть вопросы жизни, в которой теория неотделима от практики. Разделение этих вопросов на якобы практические и теоретические ведет к раздроблению церковного организма и противоречию в жизни... Безусловно, одним из самых больших грехов нашего времени в Церкви является отделение жизни от догмата, любви от веры, Церкви от Богословия»²³.

По этому пункту можно было бы возразить: в отличие от оросов, которые делались широко известными и утверждались полнотой Церкви, каноны не получали такого утверждения с ее стороны, поскольку она не получала непосредственного знакомства с ними. Однако это возражение несерьезно, потому что если уж какой-либо собор признается Вселенским, т. е. авторитетным и непогрешимым²⁴, следовательно, все его ре-

20. Δ. Πετρακάκου. Νομοκανονικαὶ ἐνασχολήσεις. Ἀθήναι, 1943. Σελ. 33.

21. Ср. Ἰω. Καρμίρη. Ὁρθόδοξος Ἐκκλησιολογία. Σελ. 697.

22. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви (пер. с франц.) // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 210. (Греч. пер.: V. Lossky, Ἡ Μυστικὴ Θεολογία τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας / Μετάφ. Στ. Πλευράκη. Θεσσαλονίκη, 1964. Σελ. 206); Ср. Κων. Μουρατίδου. Ἡ συνταγματικὴ κατοχύρωσις τῶν ἱερῶν κανόνων // Κοινωνία. Τόμ. ΙΖ' (1974). Σελ. 150—151.

23. Διονυσίου Ψαριανοῦ, Μητροπολίτου Σεββίων καὶ Κοζάνης. Χαριστήριος Ὁμιλία. Ἀθήναι, 1969. Σελ. 16—17.

24. Ср. Ἰω. Καρμίρη. Ὁρθόδοξος Ἐκκλησιολογία. Σελ. 677: «Признание какого-либо собора Вселенским влечет за собой признание этого собора также непогрешимым».

шения, а значит, и канонические, являются правильными и непогрешимыми. Иначе этот Собор не был бы непогрешимым, а значит, и православным²⁵.

После всего вышесказанного никакое сомнение относительно безусловного авторитета священных канонов, как нам кажется, не может быть оправдано. И поэтому справедливо Восточные Православные Патриархи в своих «ответах» (1716–25 гг.) англиканским епископам, отказавшимся присягать королю, говорили: «Законоположения и каноны Святых и Священных Семи Соборов, а также Поместных, созидавшихся, разумеется, на Востоке (со времен Святых Апостолов и до царствования в Константинополе Василия Порфирородного), мы принимаем как самые Святые Евангелия согласно 2-ому канону VI Святого и Вселенского Собора и 3-ему положению 2-ого титула Новелл, в котором находим, что *каноны и догматы Семи Соборов должно соблюдать как Божественные Писания...* И понятно, почему мы принимаем каноны Священных Соборов как Божественные Писания, — так как они являются законоположениями богоносных мужей, которых Бог поставил в Церкви учителями так же, как Апостолов и Пророков, по учению Божественного Апостола (1 Кор. 12, 28), которые, будучи также вдохновлены Божественным Духом, предписали таковые каноны, чтобы мы имели их словно светильники, сияющие в темном месте (2 Петр. 1, 19), как и Божественные Писания. Ибо Святой Дух, глаголавший чрез Апостолов, Он же и не другой глаголал и чрез богоносных Отцов»²⁶. Величайший канонист нового времени святой Никодим Святогорец также говорит: «Эта книга (т. е. Пидалион — собрание Священных Канонів) есть Священное писание после Священных Писаний,

25. Некоторую ясность в рассматриваемый вопрос вносит замечание архим. Парфения Полакиса (Ἀρχιμ. Παρθενίου Πολάκη. Ἡ Ἑλληνικὴ Ἐκκλησία καὶ ὁ κόσμος τῶν βαρβάρων // Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς τῆς Θεολογικῆς Σχολῆς Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. Τόμ. Α' (1953). Σελ. 478, ὑποσ. 1), которое повторяет также Митрополит Сардийский Максим: «Из ассомпционистов особенно М. Jugie (Le Schisme Byzantin. P. 11 s.) осуждает 28 правило IV Вселенского Собора как еретическое, не дерзая, конечно, прийти к логическому выводу, что и Халкидонский Собор, постановивший это правило, является „еретическим“» (Μητροπολίτου Σαρδεων Μαξιμου. Τὸ Οἰκουμενικὸν Πατριαρχεῖον ἐν τῇ Ὁρθόδοξῃ Ἐκκλησίᾳ. Ἱστορικο-κανονικὴ μελέτη. Θεσσαλονίκη, 1972. Σελ. 213, ὑποσ. 1).

26. Ориг. текст по: Ἰω. Καρμίρη. Τὰ δογματικὰ καὶ συμβολικὰ μνημεῖα τῆς Ὁρθόδοξου Καθολικῆς Ἐκκλησίας. Τόμ. Β'. Ἐκδ. Β'. Graz, 1968. Σελ. 808/[888].

Завет после Ветхого и Нового Завета. Вторые богодухновенные словеса после первых богодухновенных словес. Эта книга есть вечные пределы, которые положили Отцы наши, и законы, существующие вовек... которые Вселенские и Поместные Соборы постановили Духом Святым... Эта книга есть поистине Рулевое Весло (Пидалион) Кафолической Церкви, как мы ее поименовали, управляемая которой Церковь *уверенно* доставляет своих моряков и плавающих, разумею священных и мирян, к безмятежной пристани Вышнего Царствия»²⁷. Профессор И. Кармирис также говорит: «Таким образом, священные каноны, являющиеся основанием строя церковной жизни, обладая *кафолическим и вечным* характером, каковой определяет и Церковь, образуют ее положительное право, которое упорядочивает отношения между ее членами так, чтобы «все было благопристойно и по чину» (1 Кор. 14, 40). Следовательно, Церковь, как Божественное учреждение, обладает своим собственным строем жизни, который, будучи божественным как происходящий непосредственно от Иисуса Христа или Апостолов и их канонических преемников, вдохновленных Святым Духом, не зависит от произвола человеческого желания, но имеет *безусловный авторитет*»²⁸.

Б) Различение канонов и канонических постановлений

Теперь, прежде чем перейти к следующему разделу, мы должны обязательно выдвинуть следующее четкое различие и утверждение. Если сказанное выше о безусловном авторитете священных канонов распространяется на те из них, которые

27. Πηδάλιον, ἔκδ. Παπαδημητρίου. Ἀθήναι, 1957. Σελ. 15'. Здесь мы, конечно, обязаны различать между действительным собранием священных канонов и всем содержанием «Пидалиона», которое кроме священных канонов включает также их толкования, или же различные замечания и примечания к ним. Собрание действительных священных канонов поистине есть после Священных Писаний Священное Писание и Завет. Поэтому мы считаем, что не погрешал Преосвященный Христом, Митрополит Пирейский, когда хотел положить на Святом Престоле рядом со Священным Писанием также и священные каноны. (Ср.: Ἐγκύκλιον Ἰ. Μητρο. Πειραιῶς 136, Ἀρ. Πρωτ. 1106, 13.3.1971 // Ἀρχιμ. Τίτου Καράντζαλη. Ἡ ἀξία τῶν τε θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1974. Σελ. 15–16). Разумеется, это не распространяется на толковательный комментарий «Пидалиона», как не распространяется и на толковательный комментарий Священного Писания какого-либо Отца или позднейшего богослова.

28. Ἰω. Καρμίρη. Ὁρθόδοξος Ἐκκλησιολογία. Σελ. 520.

были предписаны Вселенскими Соборами, но также и на те каноны из определенных Поместными Соборами или Отцами Церкви, которые утверждены каким-либо Вселенским Собором²⁹, оно, однако, не имеет силы по отношению к канонам, которые всего-навсего предложены каким-либо Поместным Собором или каким-нибудь Отцом Церкви. Об этих последних канонах мы не можем сказать с уверенностью, что они непогрешимы. Потому что, помимо теоретически сказанного выше о непогрешимости Вселенских Соборов, мы имеем практический пример, когда 16-ый канон V–VI Вселенского Собора исправил 15-ый канон Неокесарийского Поместного Собора³⁰.

Представление о какой бы то ни было погрешности канонов, предписанных каким-либо Поместным Собором или Отцом Церкви и не утвержденных Вселенским Собором, укрепляется также случаем с канонами Патриарха Константинопольского Иоанна, прозванного Постника. Его каноны, несмотря на то что были написаны до созыва V–VI Вселенского Собора³¹, тем не менее не были утверждены последним, хотя он утвердил множество других канонов. Этот факт, как нам кажется, не случаен, но имеет определенные существенные причины. Патриарх Константинопольский Николай в своем 11-ом ответе говорит о «канонике», то есть сборнике канонов Иоанна Постника, что «этот каноник, используя большое снисхождение, многих погубил»³². Однако святой Никодим Святогорец не принимает этого объяснения, говоря, что каноник «не только не снисходителен, но, дерзну сказать, относительно плотолюбцев даже несколько суров»³³. Поэтому, не будучи в силах найти оправдание тому, что V–VI Вселенский Собор не утвердил каноны святого Иоанна Постника, святой Никодим кратко говорит: «Не знаю, на каком основании (так произошло)»³⁴. Однако мы полагаем, что эти каноны не были

29. В деле подтверждении священных канонов особенно и конкретно проявился, как мы видели, V–VI Вселенский Собор со своим 2-м канонам.

30. Ср.: Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 339–340. 15-й канон Неокесарийского Собора гласит: «Согласно канону, диаконов должно быть семь, даже если город был бы очень большим. В этом удостоверься из книги Деяний» (там же. Τόμ. Γ'. Σελ. 94).

31. Как известно, св. Иоанн Постник скончался в 619 г., тогда как V–VI Вселенский Собор произошел в 691 г.

32. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Δ'. Σελ. 425; Πηδάλιον. Σελ. 737.

33. Πηδάλιον. Σελ. 698, ύποσ. 2.

34. Там же.

утверждены, потому что содержали в себе некоторые ошибки, возможно даже догматические. Так, кроме всего прочего³⁵, в 1-ом каноне Иоанна Постника мы читаем: «Впрочем, даже если частыми коленопреклонениями удастся *умилостивить* Божество, нужно делать так, и даже много...»³⁶. То есть очевидно, что в это правило вводится понятие умилостивления и удовлетворения Бога человеком, что входит в противоречие с Православным догматическим учением.

Помимо этого соображения очевидно также, что каноны, приписываемые святому Иоанну Постнику, не сохранились точно в том виде, в каком они вышли из под его пера, но претерпели определенные изменения посредством некоторых сокращений, сделанных переписчиками³⁷, которым, вероятно, и обязаны догматические ошибки. Очень может быть, что к таковым подложным канонам, приписываемым Иоанну Постнику, относится 2-ой канон V–VI Собора, гласящий: «Никому да не будет позволено... кроме предложенных правил принимать другие, с подложными надписаниями составленные некими людьми, дерзнувшими торгашествовать истиной»³⁸. Из всех этих соображений становится очевидным, что рассматриваемые каноны были заподозрены в некоей ереси, или заблуждении против правой веры, и поэтому они не были утверждены V–VI Вселенским Собором.

На основании всего сказанного выше, теоретически и практически, мы заключаем, что только каноны, предписанные или утвержденные Вселенскими Соборами, надежно указывают и обеспечивают правильность, так как опираются на непогрешимость Церкви. Конечно, этим мы не хотим поддерживать мнение, что все прочие каноны не содержат истины, что они ошибочны или что мы должны их отвергнуть. Напротив, весьма вероятно, что грядущий Вселенский Собор утвердит многие из них, и таким образом они обретут вселенский и безусловный авторитет³⁹. Однако до этого момента у нас не мо-

35. В ближайшее время выйдет в свет работа, в которой мы подробно рассматриваем эти ошибки.

36. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Δ'. Σελ. 436; Πηδάλιον. Σελ. 699.

37. Πηδάλιον. Σελ. 698–699.

38. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 309–310.

39. Естественно, в той мере, в какой эти каноны не входят в очевидное противоречие с волей Божией, т. е. с заповедями и канонами Священного Писания и Вселенских Соборов, и в настоящее время они имеют силу или применяются Церковью, полнота Церкви обязана им следовать и соблюдать

жет быть полной уверенности в их непогрешимости и правильности, какую обеспечивают нам лишь каноны Вселенских Соборов. По этим причинам собственно канонами, *канонами* в исконном смысле слова, могут быть названы — и являются таковыми — только каноны Вселенских Соборов, а также каноны, утвержденные ими⁴⁰.

Как известно, словом «канон» изначально называлась деревянная трость (линейка), которую использовали для проведения прямой линии или для проверки прямизны какой-либо линии. А в переносном смысле каноном называется все, что служит образцом для правильного выполнения какого-либо дела как руководство или критерий. Таким образом, и каноны Вселенских Соборов, обеспечивающие правильность, истину, являют собой образец для каждого верующего, на основании которого он должен строить свою жизнь или проверять правильность своих поступков. Каноны представляют собой единую меру, единый непогрешимый критерий. По ним оцениваются деяния верующих, пастырей и пасомых. Каноны составляют единую норму совершенства, и чем более кто-либо согласует с ними свои поступки, действия и всю свою жизнь, тем более совершенным, святым и праведным он должен становиться. Напротив, всякий, кто удаляется от них, удаляется от правильности, от совершенства, от праведности и святости⁴¹.

их. Ср. Евр. 13, 17: Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет. Ср. также 31-е правило Св. Апостол.

40. В дальнейшем можно предложить не называть канонами всякого рода постановления канонического содержания, исходящие от различных церковных органов (синодов, епископов и т. п.), поскольку они не утверждены Вселенскими Соборами. До утверждения Вселенским Собором они могут называться просто каноническими постановлениями или церковными постановлениями, церковными узаконениями и т. п.

41. Еще одно разъяснение: совершенным и праведным (справедливым) является тот, кто сам следует канонам и применяет их в жизни. А не тот, кто от других требует их соблюдения и сообразования с ними. Потому что в этом случае, пожалуй, все оказывается наоборот. То есть праведным (справедливым) и совершенным является тот, кто снисходителен к другим. Ср. место из Мф. 1, 19: «Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее»; а также Филип. 4, 5: «Кротость (снисходительность) ваша да будет известна всем человекам».

4. СИЛА СВЯЩЕННЫХ КАНОНОВ

Теперь, однако, встает такой вопрос: если авторитет канонов вечен и безусловен, относится ли это и к их силе (действенности)? Иными словами, вечна и безусловна ли их сила?

А) Можно сказать, что поскольку священные каноны суть каноны жизни и обращены к членам воинствующей Церкви, они действительны в той мере, в какой человек находится в этой жизни и принадлежит воинствующей на земле Церкви. В случае когда человек перешел в торжествующую на небесах Церковь, все каноны прекращают действовать в отношении него. Ср. место из Апостола Павла: «Закон имеет власть над человеком, пока он жив» (Рим. 7, 1). Подобным образом, если какой-либо член Церкви перестает жить в миру и вступает в монашеский чин, то каноны, относящиеся к брачной жизни, автоматически прекращают для него свое действие. Разумеется, это совсем не означает, что соответствующие каноны теряют свой авторитет. То же самое касается и других аналогичных с этими случаев.

Б) Помимо вышеупомянутых случаев часто бывает и так, что Церковь, то есть компетентный церковный орган, в чрезвычайных обстоятельствах временно приостанавливает действие определенного канона в целях достижения большей пользы: здесь мы встречаемся с применением принципа икономии. Икономия — это компетентно принятое и исходящее из христианского устроения, временное и разумное отступление по какому-либо пункту от верного соблюдения канона, то есть от акривии, однако, без всякого передвижения догматических границ, допускаемое ради спасения душ, находящихся в ограде (или даже вне ограды) Церкви⁴². Святой Никодим Святогорец пишет: «Два вида управления и исправления сохраняются в Церкви Христовой. Один вид называется «акривией», а другой «икономией» («домостроительством»), или «снисхождением», и с их помощью домостроители духа (то есть клирики) управляют спасением душ, пользуясь то одним,

42. Пав. Μπούμη. 'Η 'Εκκλησιαστικὴ «οἰκονομία» κατὰ τὸ Κανονικὸν δίκαιον ('Ανάπτυον ἐκ τῆς «'Εκκλησίας»). Ἀθήναι, 1971. Σελ. 7. Ср.: 'Α. Ἀλιβιζάτου. 'Η οἰκονομία κατὰ τὸ Κανονικὸν δίκαιον τῆς Ὀρθοδόξου 'Εκκλησίας. Ἀθήναι, 1949. Σελ. 21; Ср. также: Ἀρχ. Ἱερων. Κοτσώνη. Προβλήματα τῆς 'Εκκλησιαστικῆς οἰκονομίας. Ἀθήναι, 1957. Σελ. 209.

то другим видом»⁴³. По слову Иерусалимского Патриарха Досифея, «церковные дела рассматриваются в двух отношениях: по акривии и по икономии»⁴⁴.

Так, например, необходимым условием спасения человека является Крещение, т. е. троекратное погружение в освященную воду и изведение из нее просвещаемого, совершаемое каноническим священником⁴⁵. Однако, в случае, если младенец внезапно начинает умирать, Церковь позволяет ради его спасения отступить от акривии и применить крещение по икономии. То есть даже простой верующий мирянин может троекратно, во имя Святой Троицы, поднять в воздух умирающего младенца, с тем чтобы он считался крещенным (Крещение воздухом). Подобным образом может быть дано разрешение от поста в Среду и Пяток или в Четыредесятницу больному, с тем чтобы его состояние не ухудшилось (Ср. 69-ое правило Св. Апостол). В обоих этих случаях действует изреченное V–VI Вселенским Собором (88-ой канон): «Поэтому предпочтение отдавать нужно спасению человека и его благосостоянию».

Профессор К. Муратидис говорит, что принципом церковной икономии «препобеждается буква закона, которая умерщвляет, и провозглашается, что Церковное право существует ради верующих, отнюдь не являясь самоцелью»⁴⁶. И в другом месте добавляет, что принцип икономии «делает Каноническое право существенно отличным не только от права мирских организаций, но и от самого закона Ветхого Завета, особенно в том виде, который существовал в Синагоге во времена Господа»⁴⁷.

По этому положению можно было бы, сравнивая Божественный Закон (каноны Церкви) с человеческими законами

43. Πηδάλιον. Σελ. 53, ὑπ. В отношении верующих и клириков (священников, диаконов и пр.) применение икономии осуществляется обыкновенно епископом. А в отношении епископов это осуществляется священным синодом и т. д. Т. е. икономия допускается непременно в иерархическом порядке, иначе она является преступлением. Ср. 'Α. 'Αλιβιζάτου. 'Η Οἰκονομία. Σελ. 68.

44. Письмо Михаилу Белградскому, Май 1706 г. // К. Δηληχάνη. Πατριарχικά ἔγγραφα. Κωνσταντινούπολις, 1905. Τόμ. Γ'. Σελ. 648.

45. Ср. 49-е и 50-е правило Св. Апостол.

46. Κων. Μουρατίδου. Τὸ δίκαιον τῆς χάριτος καὶ αἱ σπουδαιότεραι διαφοροποιήσεις ἐν τῇ ἐκκλησιαστικῇ διοργανώσει. 'Αθήναι, 1967. Σελ. 299.

47. Ср.: там же. Σελ. 296.

и лучше выясняя таким образом особый характер священных канонов, заметить следующее: авторитет священных канонов безусловен, сила же их относительна. Напротив, авторитет человеческих законов относителен, однако, несмотря на это их сила обыкновенно безусловна: то есть они почти всегда применяются неукоснительно⁴⁸.

В) Кроме вышеуказанной формы церковной икономии, имеется еще один своеобразный вид, который можно было бы назвать более постоянной или продолжительной икономией. Ее можно охарактеризовать также как молчаливую икономию.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что по вопросу продления и продолжительности применения икономии не может быть устойчивого предела, ни тем более серьезных разногласий или возражений, так как само понятие времени в принципе условно. Ср. место из 2 Петр. 3, 8: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день». Ср. также Пс. 89 (90), 4. Впрочем, должно отметить, что продолжительность применения определенной церковной икономии может изменяться соответственно случаю и обстоятельствам. По слову прп. Феодора Студита: «Одни дела икономии совершались отцами временно, а другие – продолжительно»⁴⁹.

Мы охарактеризовали этот вид икономии еще и как молчаливый, потому что обычно ее предоставление совершается без особого упоминания или объявления со стороны применяющего ее компетентного церковного органа⁵⁰. Просто ввиду обстоятельств компетентный церковный орган молчаливо терпит отступление верующих от верного и точного применения тех или иных священных канонов, не налагая *предусмотренного наказания*. Можно было бы сказать, что сегодня случается так, что есть каноны, которые, обладая вечным и безусловным авторитетом, то есть являя правильность и идеал,

48. Конечно, в новое время под воздействием Христианского духа гражданское право также принимает во внимание различное устройство и немощь человека, а также господствующие обычаи. Ср.: Κων. Μουρατίδου. Μαθήματα Κανονικοῦ Δικαίου. 'Αθήναι. Σελ. 51–52.

49. Прп. Феодор Студит. Письмо 49-е, К Навкратию чаду // Ρ. G. 99, 1085 D; Ср.: 'Αρχ. 'Ιερων. Κοτσώνη. Цит. соч. Σελ. 147 ἔξ.

50. Нужно принять во внимание, что в случае канонической икономии в соответствующем церковном документе (разрешении, письме или послании) строго оговаривается длительность предоставления икономии. Ср.: 'Α. 'Αλιβιζάτου. 'Η Οἰκονομία. Σελ. 104 ἔξ.

все-таки находятся в бездействии, в праздности, не в силе при применении молчаливой икономии.

[Примечание. Прежде чем двинуться дальше, нам предстоит решить следующий вопрос пастырского характера: что предпочтительнее, применение такой молчаливой икономии, как это обычно молчаливо происходит, или оповещение перед полнотой Церкви? На это можно было бы сказать следующее: что необходимо, так это то, что применение молчаливой икономии должно происходить с ведома и по инициативе церковных органов, чтобы они были готовы «дать ответ всякому, требующему отчета» (1 Петр. 3, 15). Но что касается вопроса, должно ли применение икономии происходить с ведома паствы, то это зависит от каждого конкретного случая. Так, если определенная проблема захватила умы у части Церковной полноты и причиняет ей беспокойство или соблазн, то церковная власть должна выбрать четкую позицию и разъяснить народу, что, соответственно, происходит или должно произойти. Однако, если бездействие какого-либо священного канона вызывает появления проблем или вопросов в Церковной полноте и, особенно, если оно не наносит ей какого-либо вреда, тогда церковное руководство может не выступать с публичным объяснением своей позиции, чтобы это не вызвало неожиданного беспокойства или волнения среди полноты Церкви.]

После этих скобок можно было бы предложить и следующее: Церковь через временное или продолжительное приостановление силы, — но не авторитета, — священных канонов продолжает Божественную икономию с целью «взыскать и спасти» человека (Ср. Лк. 19, 10); продолжает Божественное домостроительство в истории спасения. Постоянно и неоднократно она снисходит к человеческой немощи и терпит, не прибегая к наказаниям, отступление от акривии, с тем чтобы помочь человеку, сохранить его в Церкви и подвести его к жизни о Христе, к познанию истины для возрастания его личности в «мужа совершенна»⁵¹.

51. Ефес. 4, 13. Из вышесказанного становится понятной как природа, так и характер Канонического права, по справедливости называемого Правом Благодати. Ср.: *Κων. Μουρατίδου. Τὸ δίκαιον τῆς Χάριτος*.

5. НЕКОТОРЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ (их причины и их предотвращение)

И все-таки, это спасительное и полное любви и сострадания к человеку дело Церкви было некоторыми воспринято как основание для утверждения, что каноны не имеют безусловного авторитета или что они временны и относительны как человеческие построения. Значит, они бесполезны и, следовательно, должны быть упразднены. Такая ошибочная оценка священных канонов обязана тому, что эти священные каноны и вообще относящиеся к ним действия Церкви (применение или неприменение) судятся, «измеряются» по человеческим, мирским критериям. Можно было бы сказать, что к этому случаю особенно подходят слова святого Иоанна Златоуста: «измеряя дела Божии умствованиями человеческими, они постыдились домостроительства спасения»⁵².

Это недоразумение вызвано, главным образом, некоторым смещением, некоторым отождествлением понятий «авторитет» и «сила» священных канонов. Но как подтверждается выше, эти понятия не тождественны. Мы видели, что в определенных серьезных случаях и по соображениям нужды (душевной или телесной) сила и применение священных канонов могут быть приостановлены, лишены действия, то есть быть относительными, но это вовсе не имеет никаких тяжелых последствий в отношении их подлинности, их безусловного авторитета.

Это становится очевидным, если принять во внимание некоторые характерные и красноречивые события и действия («Деяния») Церкви и Ее компетентных органов. Так, в случае конкретного документа (и затем распоряжения), предоставляющего икономию, компетентный церковный орган, выступающий с оказанием икономии, обязан вписать в соответственное разрешение, кроме предоставляемой икономии, также и акривию⁵³, подчеркивая, таким образом, то правильное и каноническое (соответствующий канон), от которого он временно отступает по икономии, делая снисхождение ради исцеления недостатка и всецелого блага члена Церкви. А то, что всегда имеет место указание на каноническую норму, дает

52. Св. Иоанн Златоуст. Беседа 2-я на 2 Тим. // Р. С. 62, 607 А.
 53. Ср.: 'Α. Ἀλιβιζάτου. Ἡ Οἰκονομία. Σελ. 105.

основание некоторым справедливо говорить, что икономия не разрушает каноны, но напротив, утверждает их и укрепляет их авторитет.

Стало быть, то, что в определенный момент какой-либо канон не имеет силы или не применяется, совсем не означает, что он не обладает безусловным авторитетом сам по себе. Возможно даже, что его бездействие или неприменение в какой-нибудь Поместной Церкви будет продолжаться хоть тысячу лет, опять-таки, без всяких последствий для его авторитета. Вероятность того, что сегодняшние обстоятельства потребуют не полного применения какого-либо канона, совсем не исключает того, что завтра, возможно, Церковь ради пользы Своей полноты выдвинет вперед этот канонам, возобновляя его силу и требуя его полного применения.

Сам факт такого возобновления составляет второй красноречивый элемент многовековой церковной практики. Уже сами священные каноны часто «обновляют» более древние каноны. Это конкретно наблюдается на примере 3-го канона V–VI Вселенского Собора, который гласит: «Отныне же определяем и возобновляем правило... и т. д.»⁵⁴, и далее ссылается на 17-ое правило Св. Апостол. Также и в 8-ом каноне того же Собора мы читаем: «Предписанное святыми отцами нашими желая и мы во всем сохранять, возобновляем также и правило, повелевающее быть ежегодно соборам епископов каждой области...»⁵⁵ Ср. также 6-ой канон VII Вселенского Собора: «И мы сие правило возобновляем, и если обрящется некий начальник, возбращающий сие, да будет отлучен»⁵⁶. Само возоб-

54. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 313.

55. Т. е. ссылается на 37-е правило Св. Апостол и 5-й канон I Вселенского Собора (Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 324). Ср. также 49-й канон того же Собора (там же. Σελ. 423).

56. Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τόμ. Β'. Σελ. 577. Некоторые говорят, что надо произвести кодификацию канонов, потому что они содержат «лишние повторения, не имеющие никакого практического смысла, поскольку их содержание совершенно одинаковое». Однако мы полагаем, что выведенное нами касательно возобновления силы канонов должно заставить нас задуматься, стоит ли спешить с их кодификацией. Вся совокупность канонов есть неоспоримое драгоценное сокровище не только для жизни Церкви, но и для правильного понимания этой жизни. Поэтому прежде всего должно иметь место обстоятельное изучение канонов и оценка их содержания, что не перестанет составлять долг канонистов и после кодификации церковных правил. Ср. Παντελεήμονος Καρανικόλα (Μητροπολίτου Κορινθίας). Κλείς τῶν ἰ. κανόνων τῆς Ἀνατολικῆς Ὁρθόδοξου Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 1970. Σελ. η': «Потому что в свя-

новление канонов указывает на то, что хотя сила определенного канона на практике или из соображений икономии иногда ослабевает, тем не менее, авторитет его не уменьшается.

Из вышесказанного легко заключить, что мы не можем безусловный авторитет какого-либо канона ставить в зависимость от его неприменения и бездействия в каком-то частном случае, в какой-то определенной церковной области, или в какую-то конкретную эпоху. Из того, что какой-то канон не соблюдается всеми верующими или не применяется в нашей собственной области или в нашу эпоху из тех соображений, что мы находимся в различных неблагоприятных условиях, или же подвержены прочим нуждам и немощам, совсем не следует, что они не могут быть применены в других областях, в другие времена, другими христианами. Если бы мы приняли последнее за правду, то попали бы в опасность быть охарактеризованы как рассуждающие субъективно и эгоцентрично или как ограниченные в своих рассуждениях пространственно и хронологически.

Естественно, — как и подтверждается на деле, — кто-либо может возразить, что приведенные ошибочные оценки и недоразумения относительно священных канонов можно было бы предотвратить и избежать их, если бы имело место собственно богословское рассмотрение священных канонов на основании подлинных церковных критериев, а не человеческих измерений⁵⁷. Поэтому правильно говорится, что «для приближения, постижения и правильной оценки священных канонов существенной и абсолютно необходимой предпосылкой

священных канонов... можно увидеть их дух и погрузиться в него: это дух Божий, отблеск ума Христова и послание Господне».

57. В отношении этих ошибочных суждений, путаницы, недоразумений, разногласий и т. д. тоже, конечно, можно привести замечание профессора М. Сиотоса (Μ. Σιώτου. Ἡ θέσις τῆς Ὁρθόδοξου Ἐκκλησίας εἰς τὸν σύγχρονον κόσμον. Ἀνάπτυον ἐκ τῆς Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 1974. Σελ. 16–17): «Внутренние кризисы, происходящие в организме Православной Церкви, кроме личной ответственности их виновников за производимый соблазн в сознании людей (см. Мф. 18, 7; Лк. 12, 47 и 17, 1), можно было бы, судя о них православно, охарактеризовать, с одной стороны, как распространение в истории крайнего долготерпения Божия, а с другой стороны, как муки второго рождения мира в Церкви, как предсмертную агонию ветхого человека, а также как выраженные борьбы членов Церкви с силами зла. Превыше всего этого преизражается неиссякаемая любовь Божия, вечное сияние совершенной всеблагости Лиц Святой Троицы». Достаточно только указать на то, что эти кризисы подталкивают к лучшему уразумению вещей.

является духовная согласованность их исследователя с духом Церкви и священных Канонов. Только эта согласованность позволяет преодолеть букву, которая часто убивает, и приоткрывает внутреннее духовное величие священных Канонов»⁵⁸. А если кто-то пожелает рассмотреть и «измерить» священные каноны и духовные действия Церкви, опираясь на субъективные человеческие критерии, то он подвергнется серьезной опасности обмануться, сбиться с толку, и впасть в прелесть.

Это может стать еще более понятным и убедительным на следующем примере: многие утверждают, что каноны преходящи, потому что они якобы не могут быть применены сегодня, то есть они неприменимы. Однако, этот взгляд сам обнаруживает свою ошибочность: он представляет собой логическую ошибку, состоящую в принятии искомого за данное. Действительно, вполне вероятно, что мы не сможем сегодня применить определенные каноны. Однако это не говорит о том, что эти каноны ошибочны, но о том, что мы, сегодняшние люди, настолько отделились от правоты или настолько обессилили и выродились, что не способны применять эти каноны. Например, 69-ое правило Св. Апостол предписывает пост в продолжение Св. Четырдесятницы. То, что мы не в силах сегодня соблюдать его, потому что чувствуем упадок наших умственных или телесных сил, не означает, что канон не правилен, но что человек, особенно городской, потерял былую выдержку и прямым ходом идет по направлению к разложению и катастрофе, если, конечно, он не изменит своей сегодняшней тактики. Отсюда становится понятным, что не каноны преходящи и относительны, но что, напротив, мы сами стали очень зависимыми от среды, очень преходящими и непостоянными, очень относительными⁵⁹.

Из вышесказанного также получается, что когда мы судим

58. Κων. Μουρατίδου. 'Η συνταγματική κατοχύρωση τῶν ἱερῶν κανόνων // Κοινωνία. Τόμ. ΙΖ' (1974). Σελ. 145. Ср.: его же. Σύγχρονοι καταδυνάσεις ἐν τῇ ἐπιστήμῃ τοῦ Κανονικοῦ Δικαίου. Ἀθήναι, 1960. Σελ. 31: «Исследователь Канонического Права должен иметь надлежащую склонность и духовную отзывчивость, чтобы проникнуть до сущности и действительности (церковных) законоположений. Если правда, что «лишь любящий понимает», то еще более истинно, что духовная согласованность с христианской истиной, классическое «Sentire cum Ecclesia», является предпосылкой для глубокого уразумения Канонического Права».

59. В то же время это показывает (если не доказывает), что то, что обычно говорится, что метод и критерии не затрагивают сущности вещей

о вещах субъективно, мы рискуем ошибиться в суждении. И, более того, просто опасно следовать за своими собственными взглядами и рассуждать о вещах на основании человеческих критериев, потому что так — и это хуже всего — мы не замечаем, как часто (обыкновенно) мы направляемся к своей катастрофе. И наконец, эта опасность должна пробудить в нас желание и заботу восстановить все в правоте, в его естественном состоянии и ходе бытия при помощи некоего авторитета⁶⁰.

6. ЭПИЛОГ

Итак, именно об этих нуждах и запросах желали позаботиться Вселенские Соборы, нашествием Святого Духа предписывая священные каноны. Именно такое назначение имеют священные каноны и именно таким авторитетом они обладают. Как «правила», они показывают правильность и верный путь к ней — к познанию истины и жизни по ней. Это светящиеся знаки, вечные световые указатели⁶¹, которые удерживают в поле зрения Церкви, вообще, и каждого верующего, в частности, ясное сознание преследуемой цели, которая заключается в совершенствовании и обожении человека, в достижении богоподобия.

и не сказываются на результатах их исследования, не является абсолютно правильным и надежным. Ср. Архим. Юстин Попович. Человек и Богочеловек (греч. пер.: 'Αρχιμ. Ἰουστίνου Πόποβιτς. Ἀνθρώπος καὶ Θεάνθρωπος / Μετάφ. Ἀδαν. Γιάβριτς. "Ежд. В'. Ἀθήναι, 1970. Σελ. 125): «Богочеловеческая истина Христианства может быть сохранена только через богочеловеческую методологию Христианства. Господь Иисус Христос есть Истина и Путь. Если кто-то отдалится от богочеловеческой методологии, он необходимо отдалится и от богочеловеческой истины, отдалится от Богочеловека Христа».

60. Все вышесказанное должно привести нас к сознанию своих немощей и к смиренномудрию. Польза и необходимость смиренномудрия неоднократно подчеркивается в христианской религии. Так, из ежедневно повторяемого в Церкви 50 Псалма мы научаемся, что «сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Также известны богодухновенные слова: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6 и 1 Петр. 5, 5). И св. Иоанн Златоуст подчеркивает о смиренномудрии: «Основанием нашей философии является смиренномудрие» (Св. Иоанн Златоуст. Против недолжным образом использующих апостольское изречение «или притворно, или истинно Христос проповедуется» и о смиренномудрии // P. G. 51, 312 D). Таким образом, смиренномудрие составляет в определенном отношении лучший путь (метод) исследования истины вообще, но также и для изучения священных канонов. К этой теме мы, даст Бог, вернемся в другой работе.

Было бы прискорбно, если бы эти правила (каноны) всякий раз подгонялись под восприятие и духовно-нравственное состояние заблуждающегося и обольщающегося человека. Тогда и «искупительная весть Богочеловека была бы предана, и всякая возможность духовного подвига уничтожена»⁶², всякая надежда духовно-нравственного прогресса исключена. Потому что на место Богочеловека Иисуса мы бы постоянно ставили кумир современного обмирщвленного и выродившегося человека, наверное, до тех пор, пока шаг за шагом не дошли бы до состояния бессловесных животных⁶³. И по отношению к священным канонам, как и к применению их верующими, можно применить по аналогии то, что говорит профессор Е. Феодору⁶⁴ о Православном Богослужении (Божественной Литургии и пр.): «Православное Богослужение ведет человека к ближайшему соприкосновению со святыней, превосходя все атеистические гуманистические системы, которые, объединившись сейчас в международные коалиции, категорически отвергают духовные связи человека с какой бы то ни было трансцендентной божественной реальностью, руководствуясь внутримирным антропоцентризмом, помещают человека в центр всего, опускаются до материализма, релятивизма, субъективизма и подавляют основополагающее свойство человеческой души — стремление к Божеству»⁶⁵.

Сочетание канонической «акривии» и церковной «икономии», которые составляют два аспекта одного и того же «дела Церковного служения к совершению святых»⁶⁶, придает со-

61. Κων. Μουρατίδου. Τὸ αἰώνιον κῆρος τῶν ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1972. Σελ. 51.

62. Там же. Σελ. 52.

63. Рим 1, 18–32.

64. К тому же связь между Православным Богослужением и священными канонами очень тесная. Это подтверждается хотя бы тем, что Богослужение, чтобы достичь преследуемой цели и быть на самом деле православным, должно совершаться согласно канонам Церкви (канонический священник, канонический порядок и т. д.). Ср. Ἁγ. Θεοδώρου. Ἡ Intercommunio ἐξ ἐπόψεως Ὁρθόδοξου Συμβολικῆς. Ἀθήναι, 1971. Σελ. 20: «Чтобы Таинства были действительными средствами благодати, они обязательно должны совершаться канонически рукоположенными служителями (священством) и, главное, исключительно в лоне Единой, Святой, Соборной и Апостольской Христовой Церкви».

65. Ἁγ. Θεοδώρου. Ἡ Ὁρθόδοξος λατρεία ὡς φορεὺς τοῦ ἀνθρωπιστικοῦ ἰδεώδους // Πανηγυρικός τόμος ἐπὶ τῇ 1400-ῇ ἀμφιετερίῃ τῆς Ἱερᾶς Μονῆς τοῦ Σινᾶ. Ἀθήναι, 1971. Σελ. 376–377.

всем особый духовный характер Церковному Праву. Это Право «исполняет существенную функцию в Ее Теле, имея своей целью соединение полноты Церкви с Ее Божественным Главой. Право Благодати определяется, преимущественно в отношении преследуемой им цели, как духовное, святое в своей основе и божественное Право, как исходящее от Самого Божественного Основателя Церкви»⁶⁷.

Следовательно, не может быть и речи об упразднении священных канонов, предписанных и утвержденных Вселенскими Соборами. Не лишено значения также и то, что Апостол языков Павел говорит: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон *утверждаем*» (Рим. 3, 31)⁶⁸. Не может быть и речи об упразднении или о видоизменении канонов. Но может идти речь о признании их авторитета и осознании их ценности, о возобновлении их силы⁶⁹ и об их применении, «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Ефес. 4, 13).

66. Ср. Ефес. 4, 12.

67. Κων. Μουρατίδου. Τὸ δίκαιον τῆς Χάριτος. Σελ. 299.

68. Ср. также и «то, что Ап. Павел говорит о законе веры (Рим. 3, 27) и духа (Рим. 8, 2), о законе духовном (Рим. 7, 14) и законе Христовом (Гал. 6, 2), а о верном как о подзаконном Христу (I Кор. 10, 21). Даже сама любовь определяется как новая *заповедь*, то есть как новый закон (Nova Lex) Нового Завета, особенно в смысле того, что она составляет полноту закона (Рим. 13, 10)» (Κων. Μουρατίδου. Τὸ δίκαιον τῆς Χάριτος. Σελ. 298).

69. Это может составить одну из тем и одно из дел будущего Всеправославного Собора.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ
Ю. А. ШИЧАЛИНА»

по благословию Архиепископа Верейского Евгения,
Ректора МДА и С, Председателя Учебного комитета
при Священном Синоде Русской Православной Церкви

ГОТОВИТ ИЗДАНИЕ СЛЕДУЮЩИХ
УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ:

1. Учебное пособие по древнегреческому языку для духовных семинарий. Часть первая (совместно с Греческим кабинетом МДА и С).
2. *Н. И. Колотовкин. Учебник латинского языка для высших учебных заведений (совместно с Греческим кабинетом МДА и С).*
3. *М. фон Альбрехт. Из истории римской литературы: латинская патристика II–VI вв. (с приложением хрестоматии) (совместно с Греческим кабинетом МДА и С).*
4. *Св. Григорий Нисский. Житие св. Макария. Греческий текст, русский перевод, комментарии и указатели Т. Л. Александровой (совместно с Греческим кабинетом МДА и С).*
5. *Первый псалом. Греческий текст LXX, древнееврейский текст, церковнославянский, латинский, русский, немецкий, английский, французский, итальянский, испанский переводы. – Комментарии на первый псалом Св. Василия Великого, бл. Феодорита, бл. Августина и др. (тексты на языке оригинала, русский перевод). – Первый псалом в современной православной и богослужбной традиции (с приложением нот).*

Заявки на указанные издания присылать по адресу
119435, Москва, Новодевичий проезд, д. 6а.
Тел. 246-97-26, факс 246-83-47
e-mail: info@mgl.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК